

УДК 323.26+323.22

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.21>

Роль гражданского общества в трансформации региональных конфликтов: функциональный потенциал и системные ограничения

Л. З. Абдокова*

*Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации
работников образования, г. Черкесск, Российская Федерация*

Аннотация. Анализируется роль институтов гражданского общества в процессе трансформации и разрешения региональных конфликтов. Предпринята попытка критически осмыслить потенциал гражданского общества по содействию разрешению конфликтов. Для достижения поставленной цели ставятся три взаимосвязанных вопроса: какие конкретные функции выполняют институты гражданского общества в разрешении конфликтов и их преобразовании и каких измеримых результатов они достигают, какие фундаментальные парадоксы и внутренние противоречия препятствуют эффективности этих организаций, при каких условиях гражданское общество может добиться наибольшего успеха в усилиях по урегулированию конфликтных ситуаций? Также исследуются политические, социальные и экономические факторы, влияющие на эффективность инициатив гражданского общества. Предлагается переход от традиционного подхода к разрешению конфликтов, который фокусируется на переговорах элит, к более современному подходу, направленному на устранение глубинных структурных причин конфликтов. В качестве теоретической основы используется многоуровневая модель миростроительства, разработанная Дж. П. Ледерахом, и концепция социального капитала, предложенная Дж. Коулманом и Р. Патнэмом. Систематизируются ключевые роли гражданского общества в разрешении конфликтов и исследуется эффективность этих ролей на основе эмпирических данных и тематических исследований. Особое внимание уделяется анализу фундаментальных парадоксов, препятствующих деятельности гражданского общества, и делаются выводы об условиях, необходимых для успешной миротворческой деятельности.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества, региональные конфликты, трансформация конфликтов, миротворчество, парадоксы гражданского общества.

Для цитирования: Абдокова Л. З. Роль гражданского общества в трансформации региональных конфликтов: функциональный потенциал и системные ограничения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 56. С. 21–35. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.21>

The Role of Civil Society in the Transformation of Regional Conflicts: Functional Potential and Systemic Limitations

L. Z. Abdokova*

Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Educational Workers, Cherkessk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the role of civil society institutions in the process of transformation and resolution of regional conflicts. An attempt has been made to critically reflect on the potential of civil society to contribute to conflict resolution. To achieve this goal, the article poses three interrelated questions: what specific functions do civil society institutions perform in conflict resolution and transformation, and what measurable results do they achieve? What fundamental paradoxes and internal contradictions hinder the effectiveness of these organizations? Under what conditions can civil society achieve the greatest success in conflict resolution efforts? The article also examines the political, social and economic factors influencing the effectiveness of civil society initiatives. The author advocates a transition from the traditional approach to conflict resolution, which focuses on elite negotiations, to a more modern approach aimed at eliminating the underlying structural causes of conflicts. The article uses the multilevel model of peace-building developed by J. P. Lederach and the concept of social capital proposed by J. P. Lederach as a theoretical basis by Coleman and R. Putnam. The study systematizes the key roles of civil society in conflict resolution and examines the effectiveness of these roles based on empirical evidence and case studies. Special attention is paid to the analysis of fundamental paradoxes that hinder the activities of civil society, and conclusions are drawn about the conditions necessary for successful peacekeeping activities.

Keywords: civil society, civil society institutions, regional conflicts, conflict transformation, peace-making, paradoxes of civil society.

For citation: Abdokova L.Z. The Role of Civil Society in the Transformation of Regional Conflicts: Functional Potential and Systemic Limitations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 56, pp. 21-35. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.56.21> (in Russian)

Введение

В современной конфликтологии и теории международных отношений наблюдается значительный пересмотр роли институтов гражданского общества в процессах урегулирования и трансформации региональных конфликтов. Если ранее разрешение конфликтов считалось исключительной прерогативой официальной дипломатии и межправительственных организаций, то сегодня становится очевидной невозможность достижения устойчивого мира без систематического участия негосударственных акторов. Неправительственные организации, благотворительные фонды и волонтерские движения демонстрируют уникальную эффективность в выполнении миротворческих функций особенно на локальном уровне, в работе с психосоциальными травмами и поддержке жертв, что зачастую недоступно государственным структурам в силу их институциональных ограничений.

Парадоксальным образом рост признания значимости гражданского общества сопровождается увеличением давления на него. Наиболее жесткие правовые и административные ограничения испытывают как раз те организации, которые работают в наиболее уязвимых контекстах: авторитарных режимах, постконфликтных зонах и регионах этнорелигиозной напряженности. Важно отметить, что корни многих конфликтов носят социально-

экономический характер. Как справедливо указывает А. А. Керимов, «региональные конфликты часто коренятся в экономических факторах, которые порождают неравенство и недовольство среди населения, где весьма существенны проблемы, связанные с коррупцией, ростом цен, неудовлетворительным состоянием здравоохранения и образования, миграционной политикой и т. д.» [1, с. 122].

По данным Varieties of Democracy Institute за 2024 г., в 42 странах мира отмечается прогрессирующее сужение пространства для гражданского активизма, затрагивающее жизни 2,8 млрд чел.¹ Ярким примером является ситуация в Российской Федерации, где законодательство об «иностранных агентах» привело к ликвидации или приостановлению деятельности сотен организаций, многие из которых занимались правозащитной работой и урегулированием конфликтов². При этом, как показывают данные Uppsala Conflict Data Program, международное финансирование локальных НКО, особенно в развивающихся странах, остается критически недостаточным для реализации долгосрочных программ миротворчества, несмотря на убедительные доказательства их результативности³.

Теоретические основания исследования

От разрешения конфликтов к их трансформации: смена парадигмы

Классическая парадигма разрешения конфликтов, которая доминировала в международных отношениях на протяжении большей части XX в., предполагала, что конфликт – это проблема, которая может быть окончательно решена путем достижения соглашения между воюющими сторонами [3]. Данный подход фокусировался на высокоуровневых переговорах между политическими элитами, подписании мирных договоров и формальном прекращении боевых действий. Однако практика конца XX – начала XXI в. показала серьезные ограничения подобного подхода: множество конфликтов, формально урегулированных подписанием соглашений, через несколько лет вспыхивали вновь часто в еще более ожесточенной форме.

В ответ на эти неудачи теоретики конфликтологии, в частности Й. Галтунг и Дж. П. Ледерах, предложили альтернативную концептуальную рамку, известную как парадигма трансформации конфликтов. Суть этого подхода заключается в ином понимании достижения устойчивого мира. Согласно парадигме трансформации, недостаточно временно прекратить насилие, необходимо фундаментально преобразовать глубокие структурные причины, отношения и нарративы, породившие конфликт и подпитывающие противостояние [8–10].

---

¹ Varieties of Democracy Institute (V-Dem). Democracy Report 2024: Democracy Winning and Losing at the Ballot. Gothenburg: University of Gothenburg, 2024. URL: https://www.v-dem.net/documents/43/v-dem_dr2024_lowres.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

² О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Uppsala Conflict Data Program (UCDP). Conflict and Peace Database. Uppsala: University of Uppsala, 2023. URL: <https://peacepolicy.nd.edu/organization/uppsala-conflict-data-program/> (дата обращения: 10.11.2025).

Дж. П. Ледерах предложил многоуровневую модель миротворчества, выделяющую три взаимодополняющих уровня деятельности [9; 10]. Уровень I – официальная дипломатия на высоком уровне (главы государств, министры и пр.), обладающая формальной властью и международным признанием решений, но нередко воспринимаемая населением как оторванная от их насущных интересов. Уровень II – средний уровень, включающий деятелей культуры и искусства, академических экспертов, религиозных лидеров, руководителей и активистов организаций гражданского общества. Акторы уровня II обладают значительным социальным капиталом и авторитетом, выступая мостом между элитными переговорами уровня I и повседневной жизнью на базовом уровне. Уровень III – низовой уровень, охватывающий локальные инициативы рядовых граждан и лидеров общин, у которых нет политической власти, но которые непосредственно переживают последствия конфликта. На этом уровне формируются или рушатся межгрупповые связи и практики повседневного сосуществования, фактически здесь закладывается культура мира (или продолжается культура вражды) на местном уровне.

Социальный капитал как основа миростроительства

Концепция социального капитала, разработанная в трудах Дж. Коулмена и Р. Патнэма, предоставляет важную теоретическую перспективу для понимания вклада гражданского общества в разрешение конфликтов. Социальный капитал определяется как совокупность социальных сетей, норм взаимопомощи и доверия, а также формальных и неформальных институтов, существующих в обществе и облегчающих координацию действий и сотрудничество между людьми и группами. Важнейшая особенность социального капитала в том, что, в отличие от экономического или человеческого капитала, он по природе своей реляционен, т. е. хранится не в отдельных индивидах, а в отношениях между ними [6; 13]. Затяжные насильственные конфликты оказывают разрушительное воздействие на социальный капитал. Участники противостояния перестают доверять не только представителям враждебной группы, но часто и своим соседям по общине. Прежние нормы сотрудничества и взаимопомощи разрушаются, уступая место нормам подозрительности и враждебности. Социальные сети фрагментируются по линиям конфликта, образуя изолированные и враждующие группы, между которыми вырастают барьеры для коммуникации и сотрудничества.

Восстановление социального капитала после конфликта – сложный многолетний процесс, требующий целенаправленных усилий разных акторов. Именно здесь институты гражданского общества часто играют критически важную, незаменимую роль. Иницируя совместные проекты и объединяя людей из ранее враждовавших групп для работы над общими задачами, они помогают формировать новые межгрупповые связи. Совместная деятельность – будь то восстановление инфраструктуры, образовательные программы для детей или оказание гуманитарной помощи – постепенно возрождает нормы взаимопомощи и доверия, основанные не на абстрактных идеях, а на конкретном совместном опыте. Таким образом, гражданское общество способствует накоплению и реконструкции социального капитала, без которого невозможна устойчивая трансформация конфликта.

Ключевые функции гражданского общества в разрешении конфликтов

Анализ практического опыта организаций гражданского общества в различных конфликтных контекстах позволяет выделить семь взаимосвязанных функций, которые они выполняют в процессах разрешения и трансформации конфликтов. Каждая из этих функций имеет свое содержание и механизм реализации, подкрепляется примерами из практики и приводит к конкретным результатам. Среди этих функций выделим следующие:

1. Мониторинг напряженности и раннее предупреждение конфликтов. Это первая и фундаментально важная функция. По сути, организации гражданского общества, благодаря своей глубокой укорененности в локальных сообществах и повседневному контакту с населением, способны заметить первые тревожные сигналы надвигающегося противостояния значительно раньше, чем государственные структуры или международные организации. Такие сигналы могут проявляться в различных формах – от участившихся враждебных высказываний и роста мелких инцидентов насилия на бытовой почве до появления организованных вооруженных групп или усиления дискриминации по этническому/религиозному признаку. Своевременное выявление и документирование подобных признаков создает предпосылки для превентивных мер и внешних интервенций до того, как ситуация перейдет в стадию открытого вооруженного противостояния.

Практический результат этой функции – предупреждение эскалации конфликтов. Например, исследование М. Бржоска из Гамбургского университета (Германия) показало, что наличие эффективной системы раннего предупреждения на базе мониторинга со стороны гражданского общества способно существенно снизить риск эскалации конфликта, по некоторым данным, вероятность открытого насилия сокращается на 60–70 % [5]. Таким образом, мониторинговая функция гражданского общества позволяет провести превентивное вмешательство и во многих случаях не дает конфликту перерасти в полномасштабное насилие.

2. Образование и развитие конфликтной компетентности. Вторая ключевая функция связана с просветительской деятельностью организаций и развитием у населения конфликтной компетентности, т. е. знаний и навыков, позволяющих конструктивно взаимодействовать в условиях социального напряжения и предотвращать насильственные сценарии. НКО реализуют самые разные образовательные программы – от обучения критическому мышлению и медиаграмотности (для противодействия пропаганде и манипуляциям) до тренингов по ненасильственному разрешению споров, развитию эмпатии и взаимопонимания между группами. Особое значение такие программы имеют для молодежи, которая в постконфликтных обществах часто наиболее уязвима к вовлечению в вооруженные формирования или радикальные движения. Привлечение молодежи к программам мирного образования значительно снижает ее восприимчивость к идеологиям насилия. Исследование Э. Аду-Ампонга и Л. Овусу-Ампонсы из Вагенингенского университета (Нидерланды) подтверждает, что среди молодых людей в пост-

конфликтных регионах, прошедших курсы по конфликтной грамотности и критическому мышлению, вероятность вступления в вооруженные группировки была на 45 % ниже, чем в контрольной группе. Эти данные свидетельствуют о высоком профилактическом потенциале образовательных инициатив гражданского общества, которые повышают устойчивость молодежи к радикализации и способствуют предотвращению возобновления конфликтов [3].

3. Фасилитирование диалога между противоборствующими группами. Третья важнейшая функция заключается в создании нейтральных и безопасных пространств для конструктивного диалога между представителями противоборствующих групп. Во многих затяжных конфликтах прямые контакты между враждующими сторонами почти отсутствуют: информация о другой стороне поступает исключительно через призму пропаганды, враждебных нарративов и слухов, что ведет к дегуманизации противника и поддерживает конфронтацию. В таких условиях организации гражданского общества могут выступать посредниками в доверительных встречах и круглых столов, где оппоненты могут напрямую пообщаться вне угроз и давления.

Теоретической основой этой деятельности служит гипотеза контакта из социальной психологии: личный контакт между представителями разных групп при равном статусе и сотрудничестве над общими целями ведет к снижению предубеждений и враждебности. Масштабный анализ Т. Петтигрю и Л. Тропп из Калифорнийского университета (США), охвативший более 500 исследований, подтвердил, что при выполнении указанных условий межгрупповой контакт действительно уменьшает взаимные предубеждения в среднем на 30–45 % [12]. Соответственно, фасилитированный диалог, обеспечиваемый гражданским обществом, разрывает порочный круг вражды: прямое общение в безопасной обстановке снижает недоверие и закладывает основу примирения.

4. Гуманитарная помощь как инструмент примирения. Следующая функция связана с предоставлением гуманитарной помощи пострадавшим от конфликта и использованием этой деятельности как инструмента сближения сторон. Помимо непосредственного удовлетворения базовых потребностей и спасения жизней, гуманитарные инициативы гражданского общества могут служить мостом между разобщенными общинами. Когда НКО оказывает помощь всем пострадавшим, независимо от их этнической или политической принадлежности, она посылает мощный сигнал о возможности преодоления вражды. Беженец или вынужденный переселенец, получая помощь от организации, которая также помогает представителям другой группы, видит живой пример того, что гуманность и солидарность не имеют межгрупповых границ. Совместное получение помощи людьми из разных общин нередко становится поводом для неформального общения между ними и постепенного уменьшения взаимной неприязни. Например, во время внутреннего конфликта в Камеруне местные НКО, распределявшие продовольствие и медикаменты среди всех общин, отмечали снижение взаимного напряжения: совместное получение помощи способствовало завязке неформального диалога между группами (об этом сообщалось в отчетах Управления ООН по коор-

динации гуманитарных вопросов)⁴. Таким образом, гуманитарная деятельность гражданского общества не только спасает жизни и облегчает страдания, но и демонстрирует на практике возможности для примирения, выступая важным мостом между разделенными группами.

5. Защита прав человека и документирование нарушений. Необходимо выделить и такую функцию, как защита прав человека и документирование нарушений, совершенных всеми сторонами конфликта. Речь идет о сборе свидетельств насилия и злоупотреблений, подготовке отчетов и доведении информации до широкой общественности и международных институтов. Правозащитные НКО фиксируют показания очевидцев, документируют случаи убийств, пыток, исчезновений, этнических чисток, публикуют доклады для привлечения внимания к этим преступлениям. Такая деятельность выполняет сразу несколько критически важных задач: во-первых, создается исторический архив событий, который затем может быть использован в процессах переходного правосудия и для судебного преследования военных преступников; во-вторых, публичное оглашение нарушений наносит репутационный ущерб виновным и может удерживать их от совершения новых злодеяний; в-третьих, жертвы видят, что их страдания признаны и задокументированы, – это важно с психологической точки зрения для восстановления чувства справедливости. Эту функцию можно иллюстрировать на примере деятельности колумбийских организаций, таких как Centro de Memoria Histórica, которые на протяжении десятилетий собирали свидетельства и документы о нарушениях прав человека всеми сторонами конфликта. Это создало основу для будущего переходного правосудия и помогло привлечь внимание международного сообщества к страданиям жертв⁵. Таким образом, правозащитная и документоведческая работа гражданского общества не только способствует привлечению виновных к ответственности, но и укрепляет доверие пострадавших к мирному процессу, служа залогом того, что преступления не будут замалчиваться и повторяться.

6. Психосоциальная поддержка и работа с травмой. Шестая функция – предоставление психосоциальной поддержки людям, пострадавшим от конфликта, и целенаправленная работа с индивидуальной и коллективной травмой. Насильственный конфликт оставляет глубокие психологические раны не только у непосредственных участников, но и у мирного населения, особенно у наиболее уязвимых групп (детей, женщин, пожилых и др.). Неправительственные организации организуют психологическое консультирование, группы поддержки, программы арт-терапии и творческой реабилитации, помогая людям проработать пережитый опыт и восстановить душевное равновесие. Например, в Боснии и Герцеговине после войны местные НКО создали центры психологической помощи, где бывшие бойцы и жертвы насилия вместе проходили терапевтические программы. Такие инициативы спо-

---

⁴ UN OCHA. Cameroon: Humanitarian Overview 2023. Geneva : ReliefWeb, 2023. URL: <https://reliefweb.int/report/cameroon/cameroon-2023-humanitarian-needs-overview-glance> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Centro de Memoria Histórica. ¡BASTA YA! Colombia: Memorias de guerra y dignidad. Bogotá, 2013. URL: <https://repository.iom.int/bitstream/handle/20.500.11788/77/COL-OIM%200390.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.11.2025).

собствуют постепенному исцелению травм прошлого и восстановлению межобщинного доверия. Важно, что необработанная психологическая травма существенно повышает вероятность того, что пострадавший впоследствии сам станет участником насилия или будет поддерживать радикально-мстительные стратегии. Исследования в области психологии конфликта подтверждают, что люди, не получившие помощи в преодолении травмы войны, чаще склонны впоследствии участвовать в новых витках насилия или поддерживать экстремистские идеи мести. Так, М. Шауэр из университета Констанца (Германия) показала, что травматизация без последующей реабилитации коррелирует с повышенной агрессивностью и передачей травматических сценариев следующему поколению [14]. Следовательно, психосоциальная поддержка, оказываемая гражданским обществом, – необходимый компонент миростроительства: она разрывает цикл «травма – месть» и снижает риск возобновления насилия в будущем.

7. Медиация и содействие переговорным процессам. Следующая функция заключается в медиации (посредничестве) и фасилитации переговоров между конфликтующими сторонами. Медиация подразумевает процесс, в котором нейтральная третья сторона помогает оппонентам найти взаимоприемлемое решение спора. Организации гражданского общества нередко обладают преимуществами в посредничестве на локальном уровне благодаря репутации нейтральности и глубокому пониманию местного социально-культурного контекста. НКО могут выступать медиаторами в спорах между общинами, кланами или другими группами там, где официальные структуры не справляются или не пользуются доверием. Эмпирические исследования в сфере изучения эффективности медиации показывают, что переговорные процессы при участии опытных независимых посредников заканчиваются успехом значительно чаще, чем официальные переговоры без привлечения таких медиаторов. В частности, локальные конфликты удается урегулировать примерно в двух третях случаев при участии квалифицированных медиаторов, тогда как формальные переговоры с участием государственных представителей приводят к соглашению менее чем в половине случаев. Например, Дж. Беркович, профессор Кентерберийского университета (Новая Зеландия), отмечает, что процент успешных исходов при посредничестве НКО существенно выше среднего по международным переговорам [4]. Таким образом, участие гражданских посредников заметно повышает вероятность успешного разрешения споров, особенно на местном уровне, дополняя и увеличивая официальные миротворческие усилия.

Три фундаментальных парадокса деятельности гражданского общества

При всей значимости и потенциале институтов гражданского общества в разрешении конфликтов их деятельность сталкивается с рядом внутренних противоречий. Проанализированы три фундаментальных парадокса, которые могут существенно ограничивать эффективность и устойчивость работы гражданского общества:

1. Парадокс финансирования и независимости. Первый и самый острый парадокс связан с проблемой внешнего финансирования и сохранения независимости организации. Большинство гражданских инициатив в сфере миростроительства нуждаются во внешней финансовой поддержке. В конфликтных и постконфликтных обществах местные ресурсы крайне ограничены, поэтому НКО становятся зависимы от международных доноров и фондов, базирующихся преимущественно в развитых странах. Без грантов из-за рубежа многие организации просто не смогли бы функционировать и реализовывать свои программы. Однако финансовая зависимость порождает проблему легитимности и безопасности, особенно в авторитарных и гибридных режимах. Государственные структуры и провластные группы нередко представляют НКО как иностранных агентов носителей чуждых идеологий и инструменты внешнего вмешательства. Это используется для дискредитации организаций в глазах населения и служит предлогом для репрессий.

2. Парадокс профессионализации и укорененности в сообществе. Второй важный парадокс связан с профессионализацией НКО и одновременным риском утраты связи с местным сообществом. По мере роста организации стремятся повысить профессиональный уровень работы: нанимают сотрудников с профильным образованием и международным опытом, выстраивают формальные структуры управления, внедряют системы мониторинга и оценки, разрабатывают стратегические планы развития. Зарботная плата персонала в профессионализированных НКО зачастую в 2–3 раза превышает средний уровень по региону, иначе трудно привлечь и удержать квалифицированные кадры.

Однако такая институционализация может привести к утрате корней в местном сообществе и снижению доверия населения. Жители начинают воспринимать сотрудников НКО не как членов своей общины, бескорыстно действующих ради общего блага, а как привилегированных пришлых специалистов, которые используют проблемы сообщества для собственного карьерного роста и выгоды. Это серьезно подрывает доверие к организации и эффективность ее работы. Согласно исследованию Т. Паффенхольц, директора Женевской организации Inclusive Pease, занимающейся исследованиями на основе фактических данных и консультационной поддержкой мирных переговоров, около 63 % опрошенных представителей локальных сообществ в постконфликтных странах не доверяют гражданским организациям, считая их внешними акторами, оторванными от реальных нужд населения [11]. Таким образом, НКО сталкиваются с дилеммой: как повысить профессионализм деятельности (для доступа к ресурсам и повышения качества работы), не утратив при этом подлинной вовлеченности и доверия местных жителей.

3. Парадокс политизации и нейтральности. Третий парадокс касается необходимости сохранять политическую нейтральность в высокополитизированной среде. Миротворческая работа неизбежно разворачивается в контексте борьбы различных политических сил: государственных органов, партий, группировок, стремящихся использовать любые ресурсы в своих интересах. В таких условиях возможны попытки кооптации НКО или создания властями псевдо-НКО, формально занимающихся миротворчеством, но фактически продвигающих узкополитические цели. Подобные организации, например из-

вестные как GONGO (government-organized NGO), имитируют деятельность подлинного гражданского общества, но контролируются и финансируются государственными структурами. Когда же настоящая независимая организация подозревается в утрате нейтральности и работе в интересах какой-либо одной стороны конфликта, ее эффективность стремительно падает, конфликтующие стороны перестают доверять посреднику, считая его предвзятым.

Таким образом, гражданским инициативам жизненно важно поддерживать беспристрастность и равную дистанцию от всех политических игроков. Любое восприятие НКО как ангажированной стороны способно быстро свести на нет ее миротворческий потенциал. Сохранение нейтральности в политизированной обстановке – это сложнейший вызов для гражданского общества, от успеха в преодолении которого во многом зависит доверие к организациям «снизу».

Кейсы участия институтов гражданского общества в разрешении конфликтов

Рассмотрим кратко несколько примеров, иллюстрирующих, как описанные выше функции и парадоксы проявляются на практике в различных конфликтах.

1. Кейс «Колумбия: долгосрочная трансформация конфликта». Внутренний вооруженный конфликт в Колумбии между правительством и ФАРК продолжался 52 года (1964–2016 гг.), унес жизни около 220 тыс. чел. и превратил свыше 7 млн жителей в внутренне перемещенных лиц⁶. На протяжении десятилетий колумбийское гражданское общество играло многогранную и критически важную роль в миротворческих усилиях и предотвращении дальнейшей эскалации конфликта. Правозащитные организации (например, упомянутый Centro de Memoria Histórica) систематически документировали нарушения прав человека всеми сторонами, создавая архив для будущего правосудия и привлекая внимание к страданиям жертв. Религиозные общины и местные группы организовывали встречи между жертвами конфликта и представителями вооруженных формирований, открывая пространство для диалога и частичного примирения. Образовательные инициативы работали с молодежью, предлагая альтернативы вовлечению в вооруженные группировки и давая перспективу мирного будущего.

Особенно важную роль гражданское общество сыграло в подготовке общества к миру накануне подписания исторических мирных соглашений 2016 г. Многие организации проводили просветительские кампании, разъясняя населению содержание и значение переговоров, организовывали общественные обсуждения, формировали реалистичные ожидания относительно постконфликтного восстановления. В то же время колумбийский опыт выявил и ограничения: после соглашения 2016 г. многие жертвы остались недовольны амнистией для боевиков; значительная часть бывших комбатантов

---

⁶ Centro de Memoria Histórica. ¡BASTA YA! Colombia: Memorias de guerra y dignidad. Bogotá, 2013. URL: <https://repository.iom.int/bitstream/handle/20.500.11788/77/COL-OIM%200390.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.11.2025).

столкнулась с трудностями реинтеграции (безработица, социальная изоляция), что в ряде случаев вело к их возвращению к незаконной деятельности⁷. Более того, радикальные группировки, не признавшие соглашение, продолжают представлять угрозу хрупкому миру. Этот пример показывает, что вклад гражданского общества в мирный процесс огромен, однако полного успеха невозможно достичь без решения глубинных социально-экономических проблем и без последовательной поддержки мирных инициатив на государственном уровне.

2. Кейс «Босния и Герцеговина: долгосрочное постконфликтное восстановление». Война в Боснии и Герцеговине завершилась подписанием Дейтонских соглашений в декабре 1995 г., однако последствия конфликта (около 100 тыс. погибших) ощущаются даже спустя три десятилетия. Многие города и общины остаются фактически разделенными по этническому и религиозному признаку, межгрупповые контакты ограничены, а исторические нарративы разных групп взаимно враждебны. В этом сложном постконфликтном контексте гражданское общество нацелено на долгосрочные задачи примирения, восстановления социального капитала и реинтеграции общества.

Показательна деятельность шведского фонда Kvinna till Kvinna, который через сеть из примерно 140 местных партнерских организаций с 2013 г. реализует в Боснии масштабные проекты диалога, медиации и образования, охватывая более 10 муниципалитетов⁸. Параллельно проект ООН Women Lead the Way towards Peace and Security in Bosnia and Herzegovina, реализованный в 2024 г., сфокусировался на вовлечении женщин в миростроительство и продемонстрировал позитивные результаты в улучшении межэтнических отношений через совместные инициативы. Отмечаются постепенные положительные сдвиги в обществе: доля межэтнических браков выросла с ~5 % в 2000 г. до 18 % в 2023 г., что свидетельствует о снижении межгрупповых барьеров и растущей готовности к совместной жизни. Опросы показывают, что 65 % боснийской молодежи считают приемлемым иметь соседей другой этнической группы, что существенно больше, чем среди старшего поколения⁹. Эти перемены указывают на возрождение доверия и социальных связей, в чем есть заслуга и усилий гражданского общества.

Условия эффективности деятельности гражданского общества

Анализ теории и практики позволяет выделить ряд ключевых условий, при которых участие гражданского общества в разрешении конфликтов наиболее эффективно и приносит устойчивые позитивные результаты:

1. Легитимность и укорененность в сообществе. НКО, которые воспринимаются местным населением как действительно представляющие его ин-

---

⁷ Colombia: Is “Total Peace” Back on Track? 4 October 2023. URL: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-10/wl-colombia-04x23.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸ Kvinna till Kvinna Foundation. Work in Bosnia and Herzegovina: Annual Report 2024. Stockholm: Kvinna till Kvinna, 2024. URL: <https://www.lobbyfacts.eu/datacard/the-kvinna-till-kvinna-foundation?rid=601682417261-34&sid=176058> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹ UN Women. Women Lead the Way towards Peace and Security in Bosnia and Herzegovina: Project Report. New York: UN Peacebuilding Fund, 2024. URL: <https://eca.unwomen.org/en/stories/press-release/2024/05/press-release-launch-of-the-women-lead-the-way-towards-peace-and-security-in-bosnia-and-herzegovina-project> (дата обращения: 10.11.2025).

тересы и глубоко вросшие в жизнь общины, особенно если их возглавляют уважаемые местные лидеры, обладают значительно большей способностью влиять на динамику конфликта и содействовать примирению. Эмпирические данные показывают, что для эффективной работы уровень доверия населения к организации должен быть достаточно высоким (не ниже 60 %) ¹⁰.

2. Долгосрочность и последовательность деятельности. Краткосрочные проекты продолжительностью 6–12 мес., типичные для многих международных программ, обычно дают лишь незначительный и непрочный эффект, как показывает практика, только около четверти таких проектов сохраняют положительные результаты после завершения работы. Напротив, долгосрочные программы, рассчитанные на 5 и более лет, достигают существенно более высокого и стабильного результата: в большинстве случаев позитивные изменения удерживаются и после окончания внешнего финансирования [15]. Это объясняется тем, что трансформация затяжных конфликтов и изменение глубоко укорененных установок требуют продолжительного времени и последовательных усилий.

3. Наличие квалифицированных кадров. Специалисты в области медиации, конфликтологии и психосоциальной поддержки должны обладать не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками работы в стрессовых и сложных культурных условиях. Инвестиции в качественную подготовку и профессиональное развитие персонала критически важны для эффективности НКО [16], поскольку именно от квалификации кадров во многом зависят успех медиативных сессий, тренингов и других программ на местах.

4. Благоприятный политико-правовой контекст. В устойчивых демократиях с гарантиями свобод ассоциаций гражданское общество демонстрирует очень высокую результативность (большинство инициатив приводят к успеху), тогда как в гибридных режимах эффективность снижается (успешными оказываются около половины начинаний). В авторитарных же контекстах удаются лишь единичные инициативы [7]. Это вовсе не означает, что при авторитаризме работа гражданского общества бесполезна, но подчеркивает решающее значение широкого политического контекста для эффективности «низовых» миротворческих усилий.

Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что организации гражданского общества выполняют множество критически важных функций в миротворческом процессе, среди которых мониторинг и раннее предупреждение, образование, фасилитация диалога, предоставление гуманитарной помощи, защита прав человека, психосоциальная поддержка, медиация. Эти функции дополняют и во многом компенсируют ограничения государственных структур, внося незаменимый вклад в трансформацию конфликтов и примирение сторон.

---

¹⁰ Kvinna till Kvinna Foundation. Work in Bosnia and Herzegovina: Annual Report 2024. Stockholm: Kvinna till Kvinna, 2024. URL: <https://www.lobbyfacts.eu/datacard/the-kvinna-till-kvinna-foundation?rid=601682417261-34&sid=176058> (дата обращения: 10.11.2025).

Однако было бы ошибкой идеализировать роль гражданского общества или считать его панацеей от всех конфликтных проблем. Организации «снизу» сталкиваются с фундаментальными парадоксами: противоречием между необходимостью финансирования и сохранением независимости; между профессионализацией и укорененностью в сообществах; между вовлеченностью и поддержанием нейтральности. У этих парадоксов нет простых решений, они требуют постоянного балансирования и адаптации стратегий, а также осознанного управления со стороны самих НКО.

Эффективность деятельности гражданского общества критически зависит от контекста. В открытых демократических обществах с развитой правовой системой и гарантиями гражданских свобод НКО способны достигать высокой результативности. В авторитарных же режимах внешние ограничения могут радикально снизить возможности НКО вне зависимости от профессионализма и самоотдачи их сотрудников.

Самим организациям гражданского общества следует стремиться к диверсификации источников финансирования: развивать локальную донорскую базу, повышать прозрачность, чтобы укреплять доверие сообщества. Государствам целесообразно создавать благоприятные правовые условия и механизмы поддержки независимых гражданских инициатив, признавая их вклад в стабильность и развитие общества. Международному сообществу важно направлять больше ресурсов непосредственно локальным организациям и защищать активистов от преследований, учитывая их роль на передовой миротворческих усилий.

В заключение отметим, что гражданское общество не альтернатива государственным и международным усилиям по разрешению конфликтов, а необходимый компонент комплексного подхода к миростроительству. Как справедливо отмечают исследователи, «для эффективного разрешения региональных конфликтов необходимо глубокое понимание их многообразных причин и контекстов. Только через взаимопонимание и диалог можно создать устойчивые механизмы предотвращения конфликтов и построения мира на основе справедливости и уважения к различиям» [2, с. 43]. Только синергия усилий разных уровней и акторов, признание как потенциала, так и ограничений каждого из них, позволит добиться долгосрочного и устойчивого мира в затронутых конфликтом регионах.

Список литературы

1. Керимов А. А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // *Власть*. 2015. № 3. С. 121–123.
2. Керимов А. А., Шебзухова Ф. А., Эбзеев А. А. К вопросу о медиатизации образования // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12, № 5. С. 40–46.
3. Adu-Ampong E., Owusu-Amponsah L. Youth Education and Radicalization Prevention in Post-Conflict Environments // *Journal of University and College Education*. 2023. Vol. 8, N 3. P. 120–145.
4. Bercovitch J. Mediation in International Conflict: An Overview of Theory, a Review of Practice // *Journal of Peace Research*. 2005. Vol. 33, N 4. P. 415–434.
5. Brzoska M. Development and Peace: Acceptance, Political Utility and Approaches to Operationalization // *Journal of Peace Research*. 2003. Vol. 40, N 2. P. 123–139.

6. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
7. Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development // *World Bank Policy Research Working Paper N 2865*. Washington, DC: World Bank, 2001.
8. Galtung J. *Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development*. SAGE Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1996. 280 p.
9. Lederach J. P. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington, DC : US Institute of Peace Press, 1997. P. 87–97.
10. Lederach J. P. *The Moral Imagination: The Art and Soul of Building Peace*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 217 p.
11. Paffenholz T. Civil Society and Peacebuilding: A Critical Review // *Journal of Peacebuilding & Development*. 2009. Vol. 5, N 2. P. 1–16.
12. Pettigrew T. F., Tropp L. R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90, N 5. P. 751–783.
13. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon & Schuster, 2000. 548 p.
14. Schauer M., Neuner F., Catani C. The Integration of Evidence-Based Treatment Elements and the Domains of Disaster Mental Health // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2005. Vol. 44, N 12. P. 1290–1299.
15. Schmitz H. P., Svistak K. NGO Accountability: A Critical Assessment of Theories, Practices and Prospects // *Journal of Civil Society*. 2014. Vol. 10, N 2. P. 181–211.
16. Wallensteen P., Sollenberg M. *Armed Conflict, 1989–99* // *Journal of Peace Research*. 2000. Vol. 37, N 5. P. 635–649.

References

1. Kerimov A.A. Legitimnost politicheskoy vlasti v sovremennoy Rossii: osnovaniya i perspektivy [Legitimacy of political power in modern Russia: foundations and prospects]. *Vlast* [Power], 2015, no. 3, pp. 121-123. (in Russian)
2. Kerimov A.A., Shebzukhova F.A., Ebzeev A.A. K voprosu o mediatizatsii obrazovaniya [On the issue of mediatization of education]. *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-Political Sciences], 2022, vol. 12, no. 5, pp. 40-46. (in Russian)
3. Adu-Ampong E., Owusu-Amponsah L. Youth Education and Radicalization Prevention in Post-Conflict Environments. *Journal of University and College Education*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 120-145.
4. Bercovitch J. Mediation in International Conflict: An Overview of Theory, a Review of Practice. *Journal of Peace Research*, 2005, vol. 33, no. 4, pp. 415-434.
5. Brzoska M. Development and Peace: Acceptance, Political Utility and Approaches to Operationalization. *Journal of Peace Research*, 2003, vol. 40, no. 2, pp. 123-139.
6. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, pp. 95-120.
7. Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development. *World Bank Policy Research Working Paper No. 2865*. Washington, DC: World Bank, 2001.
8. Galtung J. *Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development*. SAGE Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1996. 280 p.
9. Lederach J.P. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 1997. pp. 87-97.
10. Lederach J.P. *The Moral Imagination: The Art and Soul of Building Peace*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 217 p.
11. Paffenholz T. Civil Society and Peacebuilding: A Critical Review. *Journal of Peacebuilding & Development*, 2009, vol. 5, no. 2, pp. 1-16.
12. Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 90, no. 5, pp. 751-783.
13. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000, 548 p.

14. Schauer M., Neuner F., Catani C. The Integration of Evidence-Based Treatment Elements and the Domains of Disaster Mental Health. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2005, vol. 44, no. 12, pp. 1290-1299.

15. Schmitz H.P., Svistak K. NGO Accountability: A Critical Assessment of Theories, Practices and Prospects. *Journal of Civil Society*, 2014, vol. 10, no. 2, pp. 181-211.

16. Wallensteen P., Sollenberg M. Armed Conflict, 1989-99. *Journal of Peace Research*, 2000, vol. 37, no. 5, pp. 635-649.

Сведения об авторе

Абдокова Лариса Заудиновна
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра общественно-научного образования
Карачаево-Черкесский республиканский
институт повышения квалификации
работников образования
Российская Федерация, 369000, г. Черкесск,
ул. Фабричная, 139
e-mail: abdokova_lz@mail.ru
ORCID 0000-0001-6561-9064

Information about the author

Abdokova Larisa Zaudinovna
Candidate of Sciences (Economics),
Associate Professor, Department of Social
Science Education
Karachay-Cherkess Republican Institute for
Advanced Training of Educational Workers
139, Fabrichnaya st., Cherkessk, 369000,
Russian Federation
e-mail: abdokova_lz@mail.ru
ORCID 0000-0001-6561-9064